ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

7'1990

МУРЗИЛКА

ISSN 0132—1943

Бык с золотым рогом

Солнце ещё не взошло.

Туча водрузила на нос очки, вдела нитку в иголку и, пристроившись под тремя звёздочками в углу неба, стала штаны своего сына зашивать. Темно и холодно было в этот час на небе, но что поделаешь? Не днём же этим заниматься, когда любой зевака может задрать голову и увидеть Тученёнка на небе в чём мать родила. Ведь у малыша только одни штаны.

Тученёнок скоро проснулся. Мамаша надела на него залатанные штаны, расчесала ему шевелюру, а потом пригрозила:

— Смотри, скоро и чинить нечего будет! Носишься по небу как угорелый, а ветру только этого и надо. Не штаны, а сплошная бахрома!

Тученёнок не стал спорить и прижался к мягкому мамашиному боку.

— С другими детьми я и забот не знала,— ворчала Туча.— Твой старший брат стал большим облачным медведем, бродит сейчас где-нибудь в небе над дальними странами. Средний брат тоже вырос! Стал петухом! А с тобой одна морока. Я уже седеть начинаю от твоих выдумок. Когда ты наконец повзрослеешь?

— Не хочу быть медведем, мам! И петухом тоже! — смеялся лохматый Тученёнок. Он подлизывался к матери и щекотал ей пятку своими воздушными пальчиками.

— Ты моя радость! — ласково сказала старая Туча и прикрыла глаза.

Бедные её ноги, сколько же им пришлось пройти по небесным далям и дорогам. А сколько вёдер дождя перетаскала она? Вечно её куда-то несло, даже и в воскресенье не могла она передохнуть: то летела на ярмарку купить сито для мелкого грибного дождичка, то надо свечек — вдруг ветер погасит звёзды! И только с маленьким ласковым Тученёнком ей порой удавалось побыть минутку в покое.

— Сынок, ты у меня совсем не гро-

Рис. Л. ТОКМАКОВА

зовой, и даже не кучевой — просто ласковый. Ладно уж, носись по небу, раз не можешь иначе. Штаны я тебе снова зашью. Только с вечера вдень мне нитку в иголку, что-то я плохо видеть стала. И ещё об одном прошу: не выходи со двора.

— Почему, мам? Так хочется на воле поболтаться.

— Ни в коем случае. Боюсь, что встретишься со страшным Быком. У него огненный рог, и он свободно гуляет по небу. И появляется внезапно, где захочет. Твой дедушка хотел его поймать, но Бык поддел его огненным рогом — и я без отца осталась. В каждом дворе есть его след: в одном поваленный забор, в другом разбитое дерево. Нам-то нечего бояться, твой отец построил надёжные ворота. Пожалуйста, не выходи со двора.

Тученёнок был, конечно, послушным, но не очень. Слушал он мать день, слушал два, а на третий не утерпел. Когда Тучи не было дома, сорвал пучок голубой небесной травы и вышел за ворота, надеясь увидеть Быка. С некоторых пор он только о нём и думал.

Но за воротами не было Быка. Видно, пасся он в другом уголке неба...

Как-то в воскресенье отец Тученёнка вздремнул под облачным деревом, а мать хлопотала на кухне. Услышав шум на дороге, посмотрела Туча в окно и остолбенела. По дороге мимо их дома с рёвом и грохотом мчался небесный Бык. А верхом на нём, схватившись за жёлтый рог, сидел Тученёнок.

— С дороги! — кричал он во всё горло, а Бык нёсся как ураган.

Из всех домов вываливали Тучи и стояли на обочине с разинутыми ртами. Тучи-мамаши прижимали к своим юбкам детей, чтобы они не увидели, как Тученёнок — вот-вот! — упадёт в бездну.

Старая Туча, побелевшая от страха, растолкала своего пузатого мужа.

— Беги, спасай. Мужчина ты или... чучело?!

Но старик только хлопал глазами и топтался на месте: затягивал потуже ремень, завязывал покрепче шнурок, поглубже нахлобучивал шляпу.

Терпение у Тучи лопнуло, и, когда Бык поравнялся с их домом, она подобрала юбку, разогналась получше и — будь что будет — прыгнула на спину Быка. Или спасёт сына, или пропадут вместе!

— Держись за меня, мама! — кричал Тученёнок.

Тучи на обочине в ужасе закрыли глаза, а когда открыли, рёва и грохота уже не было слышно. Бык, который только что брыкался и кувыркался, стоял у обочины и щипал голубую небесную травку...

— Брось-ка мне верёвку! — крикнула Туча мужу.— Мы его укротили.

Откуда взять верёвку в такую минуту? Старик снял ремень, да и другие Тучи-дядьки, что стояли на обочине, отдали свои ремни. Прочная получилась верёвка.

Привязала Туча верёвку Быку на шею, повела его на свой двор.

— Храброго сына вырастила, кума! — хвалили её другие Тучи, пришедшие посмотреть на огромного Быка и его огненный рог.— Да ты и сама молодчина! Взобраться на такое чудовище?!

— А что же было делать? — краснела Туча.— Ну а сын у меня и вправду храбрец,— и она стала латать свою юбку, которую Бык порвал.

С тех пор пасётся Бык у них во дворе, а Тученёнок время от времени посматривает на землю. Как увидит, что какой-нибудь крошка машет ему платком с дымохода, сразу понимает, что Панталонии нужен дождь. Отвязывает он Быка, садится на него верхом и скачет по небесным полям, стряхивает росу с небесной травы.

А когда холодает к ночи, на двор к ним собираются разные Тучи и Облачата и греются до утра около огненного рога небесного Быка.

Перевёл с молдавского Юрий КОВАЛЬ

Фатали САХИБ

ПЯТЁРКА

Поверьте, мы с братом
Умеем считать:
Он учится в ПЯТОМ,
А мне уже — ПЯТЬ!
И пишется это без всякого
Совсем-пресовсем одинаково,
Вот так: 5, 5, 5!

Кто скажет,
На сколько же
Старше он лет,
Поставлю ПЯТЁРКУ
Тому за ответ:
Поверьте, когда
Я не очень спешу,
ПЯТЕРОЧКУ
Очень красиво пишу,
Вот так: 5, 5, 5!

Перевёл с азербайджанского

Юрий КУШАК

Алексей СТАРИКОВ

СОРОКА

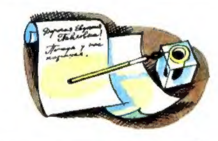
Чего сорока хочет!
О чём она стрекочет!
Как вообще попала
Сорока к нам во двор!
Зачем сороке город!
Неужто ей не дорог
Далёкий лес зелёный,
Сосновый тихий бор!

О чём она стрекочет,
Что сообщить нам хочет!
А вдруг в лесу случилась
Какая-то беда!
Я думаю: сорока,
Сорока-белобока,
Без дела тараторит,
Конечно, не всегда.

Вдруг попытался ночью
Залезть в гнездо сорочье
Проказник полосатый
Нахальный бурундук!
Вдруг разожгли туристы
Такой костёр, что искры
Грозят пожаром лесу!
Всё может быть.
А вдруг!..

Э. УСПЕНСКИЙ

В селе Троицком под Переславлем-Залесским

Село Троицкое. Поздняя зима. Снега — хоть на лодке по нему плавай, как в старину. Между домами дорожки проложены, словно окопы.

И только от крайнего дома Татьяны Семёновны Частовой никакой дорожки нет, ни к соседям, ни к колодцу, ни к лесу.

Валерка Частов сразу заметил это, когда сошёл с автобуса:

— Не померла ли?

Двенадцать лет Валерке, он в этой деревне родился и вырос. Но живёт он, к сожалению, в Переславле с родителями.

Он спросил у своей тётки — тёти Лиды, как только вошёл в избу:

— А что, Танёнка Частова жива? Или к сыну уехала?

— Никуда она не уехала,— ответила тётка.— Сидит себе сычом в своём доме. Разговаривать ни с кем не хочет. Со всей деревней перессорилась. Даже к Дуняшке Частовой не ходит.

Между прочим, в Троицком что ни дом, то Частовы живут.

— А чего она перессорилась?

— Кто её знает. Она всегда была какая-то чудная. А тебе-то не всё ли равно?

Только Валерке не всё равно. Он всех деревенских людей знает и любит. И не нравится ему, когда кто-то в ссоре, в печали или вовсе заболел.

Он, когда вырастет, наверное, возьмёт этот захудалый колхоз под своё руководство. Станет в нём председателем и выведет колхоз в миллионеры. И твёрдо Валерка решил Татьяну Семёновну со всеми помирить, особенно с её задушевной подругой Евдокией Павловной.

Для начала отправился он на почту, чтобы у почтальонки Анастасии Алексеевны все деревенские новости узнать. У кого корова отелилась, кто машину «Жигули» купил и кому пенсию на десять рублей повысили.

И надо же такому быть, что Татьяна Семёновна — широко известная в сельских кругах пенсионерка — на этой почте собственной персоной сидела, пенсию получить ждала. Ни на кого не смотрела, никуда не оглядывалась. И сердитостью от неё так и веяло во все стороны.

Платком она была перемотана с ног до головы, как пулемётной лентой, но разматываться, видно, не собиралась. А почтальонки Анастасии Алексеевны не было.

— Татьяна Семёновна,— с ходу начал Валерка.— А чего это вы тётю Дуню Частову обидели?

Татьяна Семёновна аж подпрыгнула на своей табуретке:

— Ты что? Кого это я обидела?

— Тётю Дуню. Не разговариваете с ней. Ругаетесь.

— Да я её дурой назвала. Она ведь что заявила! Она сказала, что наши мужики от их колодца ручку взяли.

— И только-то?

— Это тебе только-то! А наши мужи-

ки не воры. Им эта ручка даром не нужна! Я и сказала ей: «Ты наших мужиков хорошо знаешь. Они чужого ничего не возьмут. Нечего на них напраслину возводить!»

— Татьяна Семёновна, давайте я вас помирю.

— Ишь мирильщик нашёлся! Я с ней разговаривать не собираюсь.

Слова из Татьяны Семёновны сыпались жутко сердитые, но видно было, что основная сердитость давно уже прошла. Просто бушевало самолюбие. Была бы она зла по-настоящему, стала бы она перед Валеркой оправдываться, что-то ему объяснять.

— Татьяна Семёновна, а и не надо разговаривать. Давайте мы с вами ей письмо напишем.

— Тебе делать нечего, вот и пиши.

Валерка, не теряя времени, вытащил из-за почтового барьера однокопеечный лист для письма, взял на изготовку государственную ручку на верёвочке и стал сочинять текст:

— «Дорогая Евдокия Павловна!»

Он с вопросом посмотрел на Татьяну Семёновну:

— Правильно?

— Чего? — поразилась старуха.— Какая она тебе Евдокия Павловна, когда она Дуняшка Частова!

— «Дорогая Дуняшка Частова»,— принял это к сведению Валерка.— «Я тебя обругала... сдуру». Так правильно?

— Правильно,— согласилась Татьяна Семёновна.

— «Больше не буду»,— продолжил Валерка.

— Как это больше не буду! — возразила старуха.— У меня нервы подымутся, я ещё и не такое скажу!

— Значит,— продолжил Валерка.— «Я тебя обругала... сдуру и ещё буду». Так правильно?

— Так правильно,— согласилась довольная Татьяна Семёновна.

— А дальше про что писать?

— Не знаю. Ты грамотный, ты и пиши.

— Когда не знают, про что писать, про погоду пишут,— сказал мальчик.

— Вот про погоду и пиши.

Только он собрался писать про погоду, как дверь почты открылась и вошла сама Евдокия Павловна Частова. Тоже вся в платках, как в пулемётных лентах, но в отличие от Татьяны Семёновны маленькая и сухая.

Едва её глаза привыкли к темноте после белого снега, она заметила Татьяну Семёновну, повернулась и бросилась бежать.

Валерка догнал бабушку у двери, обнял и вернул в почту:

— Садитесь, Евдокия Павловна. Мы вам письмо пишем.

Он усадил её на другую табуретку, подальше от Татьяны Семёновны, и продолжил свою работу.

— «Дорогая Евдокия Павловна»,— говорил и писал он.— «Погода у нас хорошая. Хоть на лыжи вставай».

— Какие ещё лыжи! — поразилась Евдокия Павловна.— Когда метель третью неделю метёт.

— Чего твоя метель! — зашумела Татьяна Семёновна.— Чего твоя метель! Когда она давно уже кончилась! Глаза-то разуй!

— Евдокия Павловна, Евдокия Павловна! — бросился Валерка к новопришедшей старушке.— Вы подождите, вы не вмешивайтесь. Когда будем ответ писать, мы про вашу погоду напишем. Ладно?

Она согласилась и притихла.

— Так, чего дальше-то писать? — спрашивает Валерка.

— Чего? Чего? Сам знаешь чего.

— Я про курей напишу,— говорит Валерка.

— Пиши про курей,— соглашается Татьяна Семёновна.

— «Куры мои здоровы»,— пишет и говорит Валерка.— «Вовсю несутся, несмотря что зима».

— Как так несутся?! — поражается Татьяна Семёновна.— Да у меня курей и не осталось вовсе! Последнюю летось ястреб утащил.

Валерка с ходу подхватывает:

— «Хоть курей у меня и не осталось вовсе. Последнюю летось ястреб утащил». Так правильно?

— Так правильно,— соглашается Татьяна Семёновна.

Старухи молчат и вздыхают на своих табуретках.

— О чём ещё написать? — спрашивает Валерка.

— Почём я знаю,— отвечает Татьяна Семёновна.

— Может, о здоровье напишем?

— Пиши о здоровье.

Валерка диктует сам себе и записывает:

— «Здоровье у меня здоровое. Ничего не болит. И температура нормальная — 36,6».

— Да, не болит! — возражает Татьяна Семёновна.— Поясницу так и ломит. Хоть криком кричи! А горчичники некому поставить! И давление у меня повышенное. Всё время что-то давит.

Валерка подхватывает:

— «Ничего не болит... Только давление повышенное. Всё время давит. А горчичники некому поставить».

— У Анастасии Алексеевны тоже поясница,— скромно вставляет Евдокия Павловна про почтальонку, чтобы тоже чего-то делать.

— Да у неё поясница потому, что она от работы бегает. Всё у Ольгушки Павловской сидит, в карты играет,— взрывается Татьяна Семёновна.— Нашла кого жалеть! На почту приходит раз в неделю, а зарплату целиком получает!

На этот взрыв Евдокия Павловна немедленно собирается сбежать, но Валерка ловит её за платок и силой усаживает обратно.

— Татьяна Семёновна,— говорит Валерка,— ведь вы месяц не виделись. Были у вас какие-нибудь радостные события?

— Каки таки события?

— Может, посылка пришла с книгами или гости приезжали?

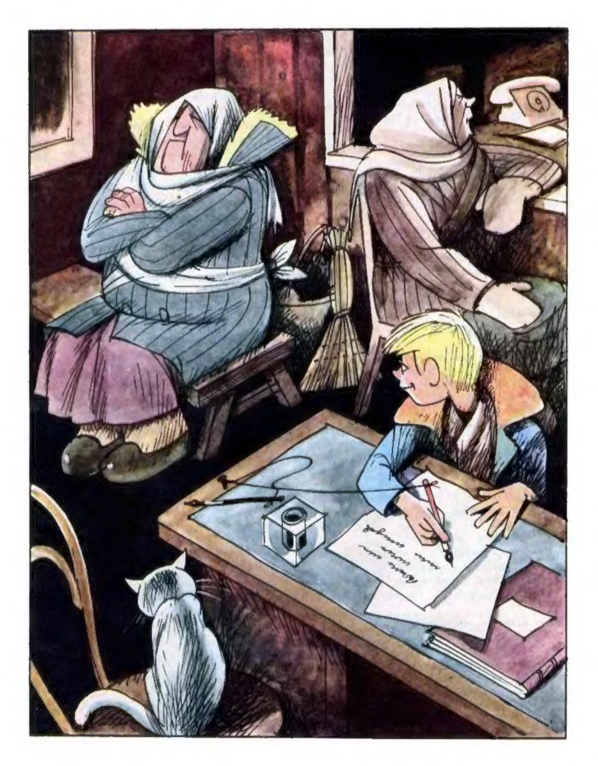
— Никакие гости не приезжали. Вот только крыса у меня завелась.

— Чего же тут радостного? — спрашивает Валерка.— Когда крыса завелась? Больше нечего сообщить соседке нашей дорогой Евдокии Павловне?

— Всё! — отвечает Татьяна Семёновна — Хватит с неё!

— А что,— говорит юный дипломат.— Конечно, хватит. Итак вон сколько новостей ей сказали.

Он перегнулся через барьер и взял ещё один листок для писем. Поч-

тальонки Анастасии Алексеевны всё ещё не было. Видно, и в самом деле она забегалась по личным делам.

— Евдокия Павловна, будем ответ писать. Теперь вы диктуйте.

— А чего диктовать-то? — спрашивает скромная Евдокия Павловна.

— Какая погода у вас.

— Сам видишь, какая погода. Никакой погоды, метель одна.

— Я так и напишу,— говорит Валерка.— «Дорогая Татьяна Семёновна, никакой погоды у нас нет, метель одна». Правильно?

— Правильно,— отвечает Евдокия Павловна.

— Ой,— сказал Валерка,— бланк-то вам поздравительный достался. Значит, адресата поздравить надо.

— С чем? — спрашивает Евдокия Павловна.

— С чем хотите. Хоть с хорошей погодой.

— Вот и поздравляй с погодой.

— «Никакой погоды у нас нет»,— повторяет Валерка.— «Только метель одна. С чем вас и поздравляю». Правильно?

— Ты пишешь, тебе и видней,— дипломатично говорит Евдокия Павловна. А Татьяна Семёновна всё внимательно слушает, словно не про её погоду говорят.

— Опишите, что вы сейчас читаете. Художественную литературу.

— Стара я читать-то. Отчиталась уже. Я радио слушаю.

— Так и запишем,— говорит Валерка.— «Дорогая и задушевная моя подруга Татьяна Семёновна. Ты ко мне редко заходишь...» Редко она заходит?

— Совсем не заходит.

— «...Ты ко мне редко заходишь, так редко, что совсем не бываешь, и я всё время слушаю радио и смотрю телевизор». Какой у вас телевизор?

— Никакого нет,— отвечает Евдокия Павловна.

— «Хотя у меня его и вовсе нет!» — подхватывает Валерка.— «Так что приходи ко мне со своим телевизором». Так правильно?

— А где ж он? — спрашивает Татьяна Семёновна.— Твой телевизор? Тебе же зять Антон привозил из города.

— И Антон привозил, и Галка, сноха, привозила, да не кажут они здесь. Больно слабые. К ним антенна нужна большая какая-то.

Валерка видит, что контакт между старухами налаживается, и начинает дело вести к финалу.

— «Дорогая Татьяна Семёновна, я очень по тебе скучаю. Помнишь, как в тяжёлые военные годы мы делились последним сухарём? Бери пирог с изюмом и приходи в гости. В шесть часов...» Верно?

— А чего же? — говорит Евдокия Павловна.— Только пирог ни к чему. Пусть просто так приходит.

— «Мне пирог ни к чему...— пишет дальше юный директор по связям.— Я его Валерке отдам. Больно парень хороший». Так правильно?

— А что? — соглашается Евдокия Павловна.— Всё по-хорошему.

— Значит, бабушки, будем заканчивать.

Валерка снова потянулся через барьер, взял у прогульщицы-почтальонки два конверта, надписал адреса и сказал:

— Всё. Раз почтальонки нет, пойду почту разносить. А вы тут не засиживайтесь. Вас дома письма ждут.

Он положил на стол Анастасии Алексеевны двадцать копеек за конверты без марок и вышел на улицу из почты. В ясный-ясный, белый-белый зимний день. Больше в деревне ребят не было.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Михаил ЯСНОВ

СКАЗОЧКА

Рано поутру, спросонок,
Снёс яичко поросёнок,
Снёс его соседке —
Курочке-наседке.

Через час — щелчок,
Через два — толчок,
Через три — из скорлупы
Показался... пятачок!

Говорит цыплёнок:
— Хрю,
Я вас всех благодарю!
Под крылом у клуши
Хорошо, как в луже!

УТИ-УТИ

Под берёзой,
Под осиной,
Шевелясь едва-едва,
Будто выводок утиный,
По реке плывёт листва.

— Не забудьте, не забудьте
Возвратиться к нам весной!..
— Ути-ути!..
Ути-ути...
Утихает мир лесной.

И стоят деревья-мамы,
И тревожно шелестят,
И глядят на самых-самых
Жёлтых
маленьких
листят...

Рис. Е. ГЛАДИКОВОЙ

ПЕСОЧКОМ И ПЕШОЧКОМ

— Я иду песочком!
— А я иду пешочком!
— Я иду с миской!
— А я иду с Мишкой!
— Я — за малиной!
— А я — за Мариной!
— Я иду песочком с миской за малиной!
— А я иду пешочком с Мишкой за Мариной!

А. Семёнов
Приключения Мурзилки и птички Чирик в деревне
Чирик, а не маловат ли для меня твой „уютный домик"?
Мурзилка и в леток-то не пролезет!
Всё продумано!
Всё-таки ощущение такое, что немного тесновато.
Всё предусмотрено!
И всё же сидеть приходится со скрюченными ногами...
Всё учтено!
Ну, Чирик! Ну, „изобретатель"!
Придётся помочь!..
Располагайтесь поудобнее!
Чирик! Что это за птица к нам залетела?
О! Это важная птица! Из столицы!
На следующий день...
Укропчик посадим, редисочку.
А я буду от вредителей охранять...
Лучше поставим специальное пугало!
Нет уж! Я сам сделаю!
Вот теперь другое дело!
Нужно принести воды!
Ведро воды занесем тёте Шуре, ведро тете Наташе, ведро Марии Александровне и пять вёдер тёте Поле Царьковой – у неё сегодня стирка..
На обратном пути будет аттракцион „Воздушный поезд"...
Что же ты полетел через дым!!!
Ворон! Ну, чистый ворон!
Мне, вообще то, всегда говорили, что я похож на орла...
Рули теперь к туче, „орёл"!..
А дождь-то и не идет
Сейчас мы её клюнем пару разочков!
Что может быть лучше бодрящего душа на свежем воздухе!
Чирик! Ты не спишь? Завтра встаём с первыми петухами..
Хр-р-р!
Хр-р-р

Юрий КОВАЛЬ

Чибис

Над сырым, заливным полем, в том месте, где особенно много весенних луж, весь день с криком летают чибисы.

Они яростно машут широкими крыльями, ныряют в воздухе вправо, влево, кувыркаются. Кажется, что сильный ветер мешает им лететь.

Но нет в поле ветра. Светит солнце, отражается в гладких сверкающих лужах.

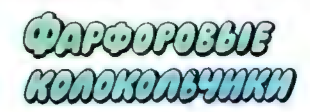
У чибиса необыкновенный полёт, игривый. Чибис играет, плещется в воздухе, как плещутся ребята в реке.

Когда чибис садится на землю, сразу и не поверишь, что это та самая птица, которая только что кувыркалась над лужами, валяла дурака. Сидящий чибис строг и красив, и совсем неожиданным кажется легкомысленный хохолок у него на голове.

Раз я видел, как чибисы гоняли пустельгу.

Пустельга неосторожно приблизилась к их гнезду и попала в переплёт. Один чибис всё время кувыркался перед её носом и мешал лететь, а второй налетал сверху и лупил по чему придётся.

Прогнавши хищника, чибисы опустились на землю и пошли пешком по лужам, помахивая своими гордыми хохолками.

Фарфоровые колокольчики

Кому какой, а уж мне больше всего фарфоровый нравится колокольчик.

Он растёт в глубине леса, в тени, и цвет у него странный — малосолнечный. Не водянистый, но — прозрачный, фарфоровый. Цветы его невесомы, и трогать их нельзя. Только смотреть и слушать.

Фарфоровые колокольчики звенят, но шум леса всегда их заглушает.

Ёлки гудят, скрипят сосновые иголки, трепещет осиновая листва — где уж тут услышать лёгкий звон фарфорового колокольчика?

Но всё-таки я ложусь на траву и слушаю. И долго лежу, и уходит в сторону еловый гул и трепет осины — и далёкий, скромный слышится колокольчик.

Возможно, это не так, возможно, я всё это придумываю, и не звенят в наших лесах фарфоровые колокольчики. А вы послушайте. Мне кажется — звенят!

Рис. Г. МАКАВЕЕВОЙ

Сергей ИВАНОВ

Было утро. Позавтракав на скорую руку, я разбирал походные записи... Вдруг вошёл Магомед, хозяин того дома, где я остановился:

— Хочешь посмотреть снежного барса?

Если б дело происходило в Подмосковье, я, наверное, вскочил бы и закричал, что хочу, даже очень. Но когда ты в Средней Азии, всё становится немного другим.

Снежных барсов здесь я уже видел. Одного на плохой картине — такого до ужаса несимпатичного, с мордой наёмного убийцы. Он стоял, положив переднюю лапу на зарезанного им каменного козла. Второй барс был прямо под картиной — со стекляшками вместо глаз, с оборванными редкими усами, с побитой молью и пропитанной пылью шкурой... Оба находились в краеведческом музее, маленьком некрасивом доме на окраине кишлака. Зато сразу за тем домиком начиналась тропа — крутая, опасная. Она уходила в настоящие горы, имя которым Тянь-Шань.

— Так будешь барса смотреть?

— Он живой хотя бы?

— Вчера Шукурбек поймал его!

Я сам только вчера спустился с гор. А там много разного зверья и птицы. Ещё больше следов на свежем, только что выпавшем осеннем снегу. Но барса я не видел и тени и четверти следа. Это очень умный и очень внимательный зверь. Горы Тянь-Шаня, отроги великого Памира — его родина. Тянь-Шань всегда надёжно укроет снежного барса и лучше погибнет сам, чем выдаст своего сына.

А всё ж снежных барсов становится меньше и меньше: для любого охотника гордость — пройтись по кишлаку в одежде, отделанной тёмным, ярко блестящим мехом... Проходят годы и века, у барсов повадки всё те же, а у людей ружья лучше год от года и дальнобойней...

И вот снежных барсов осталось на свете даже меньше, чем царей. Тогда наконец додумались, объявили запрет на охоту. А надо заметить, все эти «цари» живут в здешних краях — так уж распорядилась природа. И зоопарки разных стран стали просить: поймайте для нас барса — заплатим золотом!

Неизвестно, что ценнее — золото или прекрасный зверь, но тем, от кого зависела судьба снежных барсов, такие условия пришлись по душе. И вот за дело взялись особо умелые охотники. Одним из них и был Шукурбек.

Подстрелить барса трудно. Поймать живьём труднее во много крат. Способ-то вроде известен — ставить капканы на тропе, где бывает зверь. Тропа снежного барса высоко в горах, в скалах, там, где живут каменные козлы. Ведь снежный барс — охотник на этих сильных и красивых животных с завитыми рогами.

Но тропа барса — это не дорожка, не тропинка, к каким мы привыкли.

Это узенький карниз, совсем небольшой уступ. Над пропастью, с камня на камень совершает барс громадные и неслышные, прекрасные прыжки — подбирается к каменным козлам.

Мы сидим с Шукурбеком за чаем (так уж принято здесь: гость должен выпить хотя б одну пиалушку чая), а охотник рисует тропу, эти выступы, площадочки, рассказывает, как перехитрить барса, как вычислить, куда должна прыгнуть чёрная хвостатая молния.

Да ещё нужно так рассчитать, чтобы огромная кошка не сорвалась в пропасть — от боли и неожиданности, когда её схватят зубы капкана. Чтобы не сломала себе лапу — иначе заграничные покупатели не дадут хорошую цену...

— Много думать надо! — Шукурбек усмехается.— Ты шахматные задачи решал?

— Решал, — отвечаю... — Только здесь очень жестокие шахматы.

Да и не шахматист Шукурбек, а профессиональный охотник. И без того смуглое лицо его обожжено солнцем: в горах лучи остры, как иголки. Голубые глаза из узких прорезей смотрят внимательно и... как-то цепко. Невысокий, плотный — как акробат. И абсолютно седой. Это я мог заметить в тех редких случаях, когда он снимал войлочную островерхую шапку и вытирал ладонью вспотевший лоб.

Прежде Шукурбек был змееловом — змеиный яд исключительно ценен: из него делают очень нужные и дорогие лекарства. Особенно целебен змеиный яд ранней весной, когда укус змеи... особенно ядовит. Именно в эту пору ловцы и выходят на охоту.

И вот однажды Шукурбек выследил огромную и очень ядовитую змею. Надо было деревянной рогаткой прижать её к земле, потом взять рукой у самой головки и бросить в кожаный мешок... Вдруг змея выскользнула из-под рогатки, извернулась и укусила охотника за палец.

Через несколько минут змеелов должен был умереть — если не срочная медицинская... Однако он был в горах, далеко от селений, абсолютно один. И тогда Шукурбек положил укушенный змеёю палец на сплетённые в каменный узел корни арчи, взмахнул тяжёлым охотничьим ножом. И пальца не стало... Следующей весной с ним приключилась такая же история!

Седая голова, правая рука без двух пальцев — указательного и среднего. Тяжёлый охотничий нож, которым Шукурбек расщепляет для меня грецкие орехи... Уж не тот ли самый?

— И что же твой барс, Шукурбек-ака? Лапы все целы?

— Повезло! — Он хочет взять мою пиалу, чтобы налить ещё чаю.

Я прикладываю руку к груди:

— Благодарю! Довольно... Пойдём лучше пленника твоего глянем.

— Пленника? — Шукурбек усмехнулся.

Спустившись по крутой тропке, мы попадаем... не знаю, на что более всего похоже это странное место. Пожалуй, на булыжную мостовую — только очень плохо вымощенную. Почти всякий камень здесь шатается, едва ступишь на него... Если не знать, ни за что не догадаешься: это ведь русло горной речки. Сейчас, ранним утром, солнце ещё не успело растопить ледники, из которых питается река, поэтому она как бы пересохла. Но к полудню разольётся, будет шуметь, притащит с гор новых камней. Тогда уж нам придётся идти в обход — вон до того железобетонного моста...

Шукурбек подвёл меня к самому обычному дому — обычному для этих мест. На улицу смотрит лишь глухая стена из серой гладкой глины. В ней ни окошка. К дому прилеплена высокая из той же серой глины ограда. В ней маленькая дверца. И всё. А что происходит за этими стенами, извините, не для чужих глаз! Так уж здесь принято.

Шукурбек отпер дверцу:

— Ну, заходи...

Он словно бы хотел меня испугать. Что же мне оставалось? Только одно: не бояться! И я вошёл во двор.

Я увидел несколько довольно просторных клеток. Они были пусты. Правда, в одной клочья истоптанного сена — наверное, здесь недавно держали каменного козла. Тоже для какого-нибудь зоопарка.

Ничего не понимая, я осторожно пошёл дальше. Было как-то не по себе... И тут словно иголка впилась мне в затылок, словно меня слепень укусил. Но я отлично знал, что это были не иголка и не слепень. Как можно спокойнее я обернулся.

Из клетки, которая, как и все другие, сперва показалась мне пустой, смотрели два жёлтых пронзающих огня. Между мною и барсом было каких-нибудь два или три шага. Коротким движением зверь подобрал лапы, напружинился и полетел на меня.

В ту секунду я понял, что значит это выражение: душа ушла в пятки... Но барс, конечно, не съел меня: ведь нас разделяли стальные прутья. И к счастью, не только они. Иначе зверь в свирепом своём полёте разбил бы об железо голову, грудь и лапы. Перед решёткой была ещё натянута прочная нейлоновая сеть. Барс ударился в неё, словно тяжёлый футбольный мяч, и отлетел назад. Мягко спружинил на все четыре лапы, нервно мотнул мощным хвостом и замер.

Я перевёл дыхание, заставил себя усмехнуться:

— Что, голубь, не получилось меня слопать... Понял теперь, кто царь природы?

В ответ он легонько мазнул по нейлоновой сетке своею могучей лапой, когтями, острыми как бритва. И сетка разлетелась, будто сделанная из паутины.

Теперь я лучше мог рассмотреть зверя... В глазах его были не огонь и злоба — мне показалось, что там ещё продолжала жить память о горах.

Прилетит вертолёт, и снежный барс уедет далеко отсюда, так далеко, что и не представить,— почти как на другую планету, в Англию, в город Лондон.

Там снежных барсов не водится и никогда не водилось. Посетители придут в зоопарк и невольно замрут у просторной вольеры: «Вот это лапы! Вот это красавец!» Своею свободой и жизнью барс заплатит за то, чтоб лю-

дям можно было на него полюбоваться, помечтать о никогда не виденном Тянь-Шане... И становиться лучше! Я оглянулся на горы, что высились вдали, закрывая горизонт, мешаясь с облаками... Да, становиться лучше! Когда думаешь о такой красоте, нельзя не стать лучше. И ты извини, снежный барс, но так уж устроена жизнь. Все мы расплачиваемся свободой и счастьем за что-нибудь ещё более важное... Хотя, по правде говоря, нет ничего важнее свободы и счастья! И тем не менее мальчишка, которому до смерти охота играть в футбол, сидит за учебником. А я, который мечтает скорее повидать свою дочь, пишу этот рассказ.

Ничего не поделаешь. Полюби свою судьбу, снежный барс. Смирись!

Он не ответил, лишь смотрел куда-то сквозь меня, сквозь глиняную стену, будто надеялся увидеть неудобную для ног человека, но такую удобную для лап зверя крутую тропу, уходящую в горы.

Неслышно подошедший Шукурбек положил мне руку на плечо. Я кивнул, не отрывая глаз от барса:

— Да, хорош, ничего не скажешь. Очень хорош!

— Сам виноват! — в голосе Шукурбека была усмешка и грусть.— Ведь я не хотел его трогать. Думал, отдам за границу другого зверя, похуже.

— Почему же попался этот?

— Почему! — воскликнул Шукурбек, осуждая барса.— Пришёл на чужих козлов поохотиться. Стал на чужую тропу...

— Жалко!

Шукурбек не ответил... Снежный барс лёг на дно клетки, отвернувшись от заветренного, вялого куска мяса. Он словно бы начинал привыкать к тюрьме и к людям, которые стояли рядом, нисколько его не боясь.

— А всё-таки он пленник, Шукурбек.

— Да...— Охотник, прищурившись, смотрел на барса.— Только люди это умеют: ловить и держать в неволе.

В тишине прозрачного горного утра издалека откуда-то слышался чуть торопливый и беспечный стрёкот. Это за нашим барсом летел вертолёт.

Рис. В. ЧАПЛИ

ВЕСЁЛЫЙ КЛАСС МУРЗИЛКИ

Сегодня у нас урок русского языка. Слышите? «Динь-динь-дин! динь-динь-дин!» Но это не школьный звонок. Это бубенчики звенят на уздечке скакуна. Какого? Да того самого, о котором в сказке говорится.

НЕБЫВАЛЫЙ КОНЬ

В древние времена жил на Руси храбрый воин Данила. В одном из боёв попал он в плен к князю-чужеземцу.

Велел князь привести Данилу во дворец и сказал ему:

— Я отпущу тебя на волю, если ты в три дня достанешь мне коня. Только этот конь должен быть ни вороной, ни пегий, ни каурый, ни белый, ни буланый, ни гнедой, ни чалый, ни серый, ни...

И князь перечислил все масти коней, которые только были на свете.

Подумав, Данила согласился. И князь отпустил его. Через три дня он получил от Данилы письмо, в котором было написано:

«Князь! Я нашёл коня небывалой масти. Присылай за ним на следующей неделе в любой день, но только...»

Далее в письме назначался срок, но так, что князь понял, что он никогда не получит коня небывалой масти.

ЧТО НАПИСАЛ ДАНИЛА В СВОЕМ ПИСЬМЕ?

Оседлаем и мы горячих коней — не всё же нам за партами сидеть!

Копыта по дороге стучат, ветер в ушах свистит, а мы во всё горло попутную тараторку распеваем.

Вот тараторка для ребят:
Когда молчат, не говорят.
Когда стоят на том же месте,
Не совершают путешествий.

Что далеко, не очень близко.
Что высоко, не слишком низко.
Нельзя приехать, не уехав,
И грызть орех, коль нет орехов.

Никто сидеть не может стоя,
Лить из порожнего в пустое,
Нельзя писать на белом мелом
И называть безделье делом.

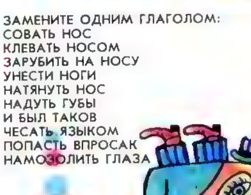
А ТЕПЕРЬ ЕЩЕ РАЗ ТАРАТОРКУ ПРОЧИТАЙТЕ И ПОСЧИТАЙТЕ, СКОЛЬКО В НЕЙ АНТОНИМОВ. (Забывчивым напоминаю: АНТОНИМЫ — это слова, противоположные по смыслу.)

Ехали мы, ехали, скакали мы, скакали... Вдруг видим: стоят у дороги два колодца, а между ними — два ведра. Надо бы коней напоить, да ведь колодцы не простые, а загадочные. Выберите ведро так, чтобы буква на нём подошла к тем, которые написаны на срубе. Будете вёдра в колодцы опускать — получится у вас по четыре разных слова.

КАКОЕ ВЕДРО В КАКОЙ КОЛОДЕЦ НАДО ОПУСТИТЬ?

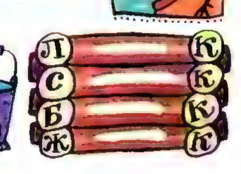
Загадку мы отгадали и воду достали. Стоим, ждём, пока наши рысаки напьются. А чтобы нескучно стоять было, вот вам упражнение для размышления.

ЗАМЕНИТЕ ОДНИМ ГЛАГОЛОМ:
СОВАТЬ НОС
КЛЕВАТЬ НОСОМ
ЗАРУБИТЬ НА НОСУ
УНЕСТИ НОГИ
НАТЯНУТЬ НОС
НАДУТЬ ГУБЫ
И БЫЛ ТАКОВ
ЧЕСАТЬ ЯЗЫКОМ
ПОПАСТЬ ВПРОСАК
НАМОЗОЛИТЬ ГЛАЗА

Дальше мы помчались, на холм взобрались. Что такое?! Прямо перед нами обрыв! А нам он не страшен! Вспомним СИНОНИМЫ ко всем пяти словам, написанным слева, впишем их в пустые деления, спустимся с холма — и вперёд!

(Для забывчивых: СИНОНИМЫ — это слова, звучащие по-разному, а обозначающие одно и то же.)

Смотрите! Смотрите! Пыль по дороге клубится, всадник нам навстречу мчится. Чем его встретить? Как развлечь? А вот вам вопросы мудрёные и игра занятная.

1. ЧЕМ КОНЧАЮТСЯ ДЕНЬ И НОЧЬ?
2. ЧТО У ЗАЙЦА СЗАДИ, А У ЦАПЛИ — СПЕРЕДИ?
3. ЧТО ПОСРЕДИ ВОЛГИ СТОИТ?
4. СКОЛЬКО НУЖНО ВЗЯТЬ БУКВ Г, ЧТОБЫ ПОЛУЧИЛАСЬ БОЛЬШАЯ КОПНА СЕНА?
5. ЧТО НАХОДИТСЯ МЕЖДУ РЕКОЙ И БЕРЕГОМ?
6. ЧТО НУЖНО ВЗЯТЬ ОТ ПАРОВОЗА И КИТА, ЧТОБЫ ЛОДКА ПОПЛЫЛА?

ИГРА «СЛОВА! СЛОВА! СЛОВА!»

Берём слово из пяти неповторяющихся букв. Пишем его так, чтобы буквы одна за другой находились на большем, чем обычно, расстоянии. Потом под каждой буквой записываем слова, которые с неё начинаются. Например:

П	Е	С	Н	Я
Парта	Ель	Село	Наст	Ясень
Перо	Енот	Сноп	Наука	Яхонт
Поход	Егерь	Слёт	Небо	Якорь
Плот	Ехидна	Спорт	Награда	Яхта

Если у вас есть часы, играйте на время. Когда время истечёт, подсчитывайте очки. За каждый полный горизонтальный ряд начисляется 1 очко. Если в ряду не хватает хотя бы одного слова, очко не засчитывается.

Нет часов — играйте иначе. Кто первый придумает определённое число (4, 5, 6 и т. д.) ПОЛНЫХ рядов, тот и выиграл.

Встречный всадник на вопросы ответил, в игру с вами поиграл и вам рассказ рассказал. Рассказ не простой: в нём все слова на одну букву начинаются.

ПЁС ПОЛКАН — ПРИЯТЕЛЬ ПЕТИ. ПОЛКАН — ПОНЯТЛИВЫЙ ПЁС, ПОНИМАЕТ ПЕТИНЫ ПРИКАЗАНИЯ. ПЕТЯ ПРИКАЖЕТ: «ПОЛКАН! ПОДАЙ ПАЛКУ!» ПОЛКАН ПОДАЕТ. «ПРЫГНИ!» — ПРЫГАЕТ. ПОЛКАН ПОМОГАЕТ ПЕТЕ ПРИНЕСТИ ПРОДУКТЫ. ПОЛКАН — ПРЕЛЕСТЬ!

Попробуйте сами такой рассказ придумать. Слова в нём могут начинаться с любой буквы русского алфавита.

«НЕБЫВАЛЫЙ КОНЬ». Данила в своём письме написал: «...но только ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду, ни в четверг, ни в пятницу, ни в субботу, ни в воскресенье».

«ДВА КОЛОДЦА». Ведро с буквой А нужно опустить в левый колодец, с буквой У — в правый.

«ЗАМЕНИТЕ ОДНИМ ГЛАГОЛОМ». Вмешиваться, дремать, запомнить, убежать, обмануть, обидеться, ударить, болтать, ошибиться, надоесть.

«ХОЛМ С СИНОНИМАМИ». Бор, мощь, пламя, заступ, селение.

«ВОПРОСЫ МУДРЕНЫЕ». 1. Мягким знаком. 2. Буква Ц. 3. Буква Л. 4. Сто Г. 5. Буква И. 6. Пар и ус — парус.

«Тараторку» написал

Джанни РОДАРИ

Мурзилке помогали Ф. ОЛИН

и художник О. ЭСТИС

Не забудьте подписаться на журнал! на 19[illegible] год!!!

В следующем году на страницах журнала открывается ТАМ — ТЕЛЕГРАФНОЕ АГЕНТСТВО МУРЗИЛКИ!!! Удивительные происшествия в прошлом, настоящем и будущем! Вести из глубокой старины и XXI века! Каждый из читателей может стать корреспондентом ТАМ! За самые интересные сообщения — награды Мурзилки! На конверте сделайте пометку — ТАМ.

Один из номеров журнала под знакомым названием «Сами с усами» будет целиком составлен из ваших рассказов, сказок, стихов, писем и рисунков. Не откладывая в долгий ящик, начинайте сочинять и рисовать. А на конверте обязательно напишите: «Номер «Сами с усами».

Этой обложке «Мурзилки» более шестидесяти лет. Ребята! Как видите, ещё ваши дедушки и бабушки любили читать «Мурзилку».

Станислав РОМАНОВСКИЙ

Ночью Алёша проснулся от того, что кто-то ходил по избе и постукивал батожком.

— Тук! Тук! Тук!

Это по горнице, залитой лунным светом, прогуливался Еж. Днем-то он прячется под кроватью и сидит там тише воды, ниже травы. А ночью выходит на прогулку и стучит коготками.

Откуда он взялся в избе лесника?

Из леса.

Сам пришёл. В дождливый день объявился на порожке, хозяином обошёл горницу и остался ночевать.

Где вот он сейчас?

Лунный свет, выбелив половицы, высветил Ежа, словно бы седого или дымчатого от Луны, его острую кабанью физиономию.

Рядом лежала задушенная мышь, и на белом брюхе её чернела кровь. Алёше стало страшно, и он с головой укрылся одеялом.

«Что же это я испугался-то? — думал он под одеялом.— Ёж — гость непраздный. Пользу приносит, мышей ловит, не то что кот Васька. Того уж так держим. Из-за уважения к прежним заслугам».

И Алёша заснул.

● ● ●

Утром его разбудил Кот. Залез на кровать, принялся тереться о ноги и мурлыкать громко-прегромко, как на гармошке играть:

— Дай м-мм-ммолочка!..

Алёша налил ему молочка в блюдечко и выговор сделал:

— Эх, Василий, Василий! Совсем обленился. На работу не ходишь — только есть просишь. Всю работу за тебя делает Еж. Лесной пришелец. Между прочим, делать ее он не обязан. Что же ты молоко-то не пьёшь?

Кот тёрся о ноги мальчика и мурлыкал всё громче. Видно, рад был, что хозяин его приласкал.

Но вот Кот вздрогнул, дугой выгнул спину и зашипел.

Его молоко из его блюдечка лакал Ёж и никого не замечал вокруг.

Откуда он взялся?

Кот шипел, устрашающе мяукал и изгибал спину так, что и Алёше было страшно.

Кот пошумел-пошумел, поутих, бочком подобрался к блюдечку и вместе с Ежом стал лакать молоко.

Когда блюдечко опустело, Кот вежливо спросил Ежа:

— Мяу?

В ответ Ёж не произнес ни единого слова, повернулся и в полном молчании удалился под кровать — отдыхать, почивать, а возможно, и думы думать.

После этого случая Кот и Еж молоко пили из одного блюдечка, в одно и то же время, и оба степенно молчали.

Молчание — знак согласия.

Мол, оба мы заняты серьезным делом — молоко хлебаем, и у каждого из нас своё предназначение.

Иногда разговаривали Кот с Ежом. Коротко. Без лишних слов. Приблизительно так:

— Мяу-у,— вполголоса похвалит Кот молоко. А Ёж ответит одобрительным фуканьем:

— Фук, фук...

Обнюхает воздух острой мордочкой и удалится под кровать.

Перепадали тёплые дожди. Дни стояли тихие, сероватые, с сокрытым и явным блеском солнышка. Такие дни с давних времён народ назвал серебряными, надо думать, не только за их цвет, но и за то, что об эту пору хорошо ловится рыба и растут грибы.

Алеша с матерью приносили из леса полные корзины рыжиков — редких ныне грибов; и мать всякий раз говорила:

— Ну всё! Хорошего понемножку. Больше по рыжики не пойдём: солить негде. Все вёдра заняты.

Но так хороши были рыжики — с ямками на шляпках, похожими на улыбки, так они сочно пахли, так были вкусны, особенно солёные с укропом и смородиновым листом, что на другой день находилась для соления порожняя посуда, они снова шли по рыжики, и по возвращении мать снова говорила:

— Ну всё! Хорошего понемногу. Этот поход последний.

— Самый последний? — спрашивал Алёша.

— Самый-рассамый! Сегодня из лесничества отец получку привезёт. Завтра в город поедем. За покупками.

— У нас же всё есть!

— Как это всё? Мука кончается. Фамильного чаю хочу. Да и печениев.

Алёша признался:

— Печениев-то и я хочу.

Дома их встретил расстроенный отец.

— Вы получку мою не брали? — спросил он.— Не трогали тут ничего? В обед вот сюда на стол положил.— Он стучал пальцем по столешнице.— На самое видное место. Вот сюда! Семьдесят три рубля с какими-то копейками. Выходил крыльцо поправлять. Больше никуда. Вернулся — нет получки! Как корова языком слизнула. Нету ничего...

— Копейки-то есть! — обрадовался Алёша.— Вот десять копеек. А вот медь.

— Может, заходил кто? — спросила мать.

— Никто не заходил,— ответил отец.— Я же крыльцо поправлял. Мимо меня ни одна душа бы не прошла.

— Может, ветром сдуло? — спросила мать.

— Какой ветер? — махнул рукой

отец.— Ветра нынче в помине нет. Да и окна были закрыты.

Ещё о чём-то говорили родители, а Алёша их не слышал. Он подобрал с пола три копейки, ещё пятачок, и неясная догадка всколыхнула душу мальчика. Он заглянул под кровать и со света сперва ничего не увидел.

Только в дальнем углу что-то белело. Что?

Алёша подполз поближе.

Темнота под кроватью недовольно зафыркала:

— Фырк! Фырк!

В углу, в гнезде из обрывков газет, тетрадных листов и денежных купюр разного достоинства возился и ворчал Ёж. Алёша вылез из-под кровати, надел отцовы дублёные рукавицы и вместе с бумажным гнездом вывез Ежа на свет.

Родители разом ахнули и замолчали.

Пока они молчали, Ёж с глубокой обидой фыркнул несколько раз и, стуча лапками, ушёл под кровать.

— Рано он нынче залёг,— вздохнул отец.— Зима будет строгой.

Взрослые выбрали из гнезда денежные купюры, помятые, местами проколотые ежовыми иглами, но в общем-то вполне годные.

Мать трижды пересчитала деньги и объявила:

— Десятки нет.

Алёша слазал под кровать и в самом углу нашёл десятку, порванную сильнее других. Ёж был страшно недоволен появлением мальчика и встретил его таким шипением и фырканьем, что Алёша постарался убраться поскорее.

Десятку клеили всей семьёй. Канцелярского клея не нашлось, и её заклеили хлебом, и по шву положили тонкую бумагу.

— Примут ли? — засомневалась мать.

— Примут,— ответил отец.— Меня все продавцы знают. Мои деньги трудовые, а не дармовые...

— Это-то верно! — подтвердила мать.

— Расскажу всё, как было. А вот про Ежа могут и не поверить,— рассудил отец.— Скажут: «Как он на стол-то залез?» Я и сам не пойму как. Он, наверное, с того краю, где обувь... по сапогам да по валенкам... влез на лавку. С лавки на стол. И обратно так же.

На другой день, не сразу, обнаружилось, что Ёж исчез. Его не было ни под кроватью, ни в запечье, ни в сенях — нигде.

Сначала семья не придала этому большого значения, а потом отец сказал:

— Ушёл. Ночью спали с открытой дверью, он и ушёл.

А мать добавила как-то особенно грустно:

— Потревожили его. Откуда Ежу знать, что деньги — это деньги всё же, а не простые бумажки?

— Да и никто этого не знает, кроме человека! — проговорил отец.— Человек их выдумал. Человек с ними и мается.

У Алёши дрожали губы — до чего ему было жалко Ежа. Он весь двор обшарил, все постройки, кусты вокруг кордона — нету!..

Весь день в доме была какая-то потерянность. Ежа ждали. А вдруг объявится?

Даже Кот ходил по избе туда-сюда, подолгу сидел на подоконнике, смотрел в лес, друга высматривал. А потом принялся мурлыкать и лапкой умываться — гостей зазывать.

Что же — гости были. Приходили. Хорошие были гости — грех жаловаться.

А вот Ежа среди них не было.

И до сих пор нет.

Рис. Н. УСТИНОВА

Ким САРАНЧИН

Настроение

Задождили тучи...
Яблоки в саду
Соберу в корзину
И домой пойду.
Пусть погода хмурится,
Я не загрущу,
Самым вкусным яблоком
Маму угощу...

Не спится колючке

Снится сирени —
Сиреневый сон.
Снится малине —
Малиновый сон.
Рябине —
Рябиновый снится...
И только колючке не спится:
Колючка боится,
Что сон ей приснится
Колючий-колючий,
Как спица.

В. ЛАНЦЕТТИ

Соедини точки по порядку

Чем отличаются эти рисунки?

ПРО ЛАВОЧКУ, КЛАВОЧКУ И БРАТИШКУ В КОЛЯСКЕ

Нина КРАСНОВА

Стоит под берёзкой лавочка,
Сидит на лавочке Клавочка,
Сидит она, не скучает,
Братишку в коляске качает:
— Спи, братишка дорогой,
Спи, глазок, спи, другой.

Составь слово из первых букв названий картинок

Вставь недостающие буквы

В. КРЕМНЁВ

ЗАГАДКА

Широким рогом носорог,
Работая помногу,
Рабочим ров зарыть помог
И разровнять дорогу.

(бульдозер)

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

ШКОЛЬНАЯ СЧИТАЛКА

Вот лентяйка
Единица!
Не хочу
С такой водиться.
Не люблю
И цифру Два,
Цифру Три
Терплю едва.

Ай да умница
Четыре!
Но не всех прекрасней
В мире.
Всех прекрасней
Цифра Пять.
Вот всегда бы
Пять опять!

ЛЕСНАЯ СЧИТАЛКА

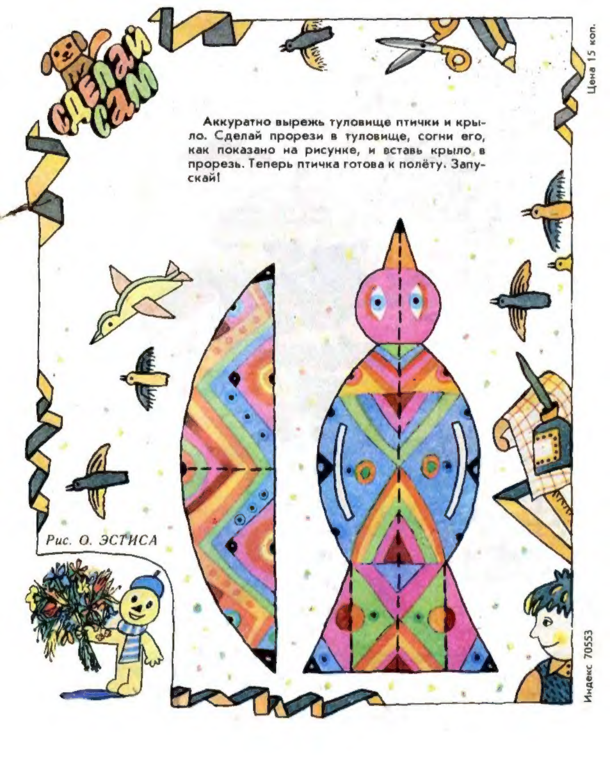
Ты — хомяк.
А ты — хорёк.
Ты — зайчишка, прыг да скок.
Ты — лисица.
Ты — куница.
Ты — бобриха-мастерица.
Ты — охотник...
Ой, беда!
Разбегайтесь кто куда!

Художники: Н. Зотова, А. Семёнов, В. Малявкин, А. Семёнов и И. Семёнова

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор Т. АНДРОСЕНКО
Редколлегия: Я. АКИМ, С. АЛЕКСЕЕВ, Г. ВИЕРУ, И. ЗАРАХОВИЧ (зам. главного редактора), С. ИВАНОВ, Ю. КОВАЛЬ, М. КОРШУНОВ, В. ЛОСИН, Г. МАКАВЕЕВА, А. МИТЯЕВ, К. ОРЛОВА (ответственный секретарь), Е. РАЧЕВ, Н. СТРЕЛЬНИКОВА, В. ЧИЖИКОВ
Редактор отдела художественного оформления В. ШЛЯНДИН
Художественный редактор Н. ХОЛЕНДРО
Технический редактор Г. БЕЛОВА
Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская, 21
Сдано в набор 10.05.90. Подписано к печати 28.05.90. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная № 2. Печать офсетная. Усл. кр.-отт. 19,88. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 4,1. Тираж 5 250 000 экз. (2 500 001—5 250 000). Заказ 2080. Цена 15 коп.
Адрес редакции журнала «Мурзилка»: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а. Телефон 285-18-81
Макет А. СЕМЕНОВА
Рисунок на обложке В. ХЛЕБНИКОВОЙ

К сведению взрослых — присланные произведения редакция не рецензирует и не возвращает, а только сообщает решение.

Аккуратно вырежь туловище птички и крыло. Сделай прорези в туловище, согни его, как показано на рисунке, и вставь крыло в прорезь. Теперь птичка готова к полёту. Запускай!

Рис. О. ЭСТИСА

Цена 15 коп.
Индекс 70553